

А. И. Рупасов

Нефтяная торговля СССР с государствами Балтии и Финляндией в 1920–1930-е гг.

В 1920-е гг. нефтепродукты выступали одним из немногих источников валютных доходов СССР, на которые имелся довольно устойчивый спрос в Европе. Именно этим обуславливался заметный и быстрый рост их экспорта: к 1926 г. он увеличился в 1,8 раза по сравнению с 1913 г., к 1928 г. — в 3 раза. В годы первой пятилетки нефтеэкспорт давал самые большие валютные доходы (18,7%; экспорт лесоматериалов приносил около 14%), при этом доля сырой нефти оставалась незначительной (9,4% в 1932 г., когда экспорт нефтепродуктов оказался максимальным по своим объемам)¹.

Вполне естественным было желание советской стороны попытаться занять лидирующие позиции на рынке нефтепродуктов в соседних государствах — Эстонии, Латвии, Литве, Финляндии. Однако реализация этой цели изначально столкнулась с серьезными препятствиями и в конечном счете привела к полному отказу от ее достижения. В отличие от вопросов, связанных с реализацией другого крупнейшего источника поступления валюты — лесного экспорта, от решения которых Наркомат по иностранным делам (далее — НКВД) по большей части был отстранен, ряд аспектов, связанных с завоеванием рынка нефтепродуктов в указанных государствах, руководство этого наркомата пыталось использовать в каче-

**Рупасов
Александр
Иванович**
д-р ист. наук,
вед. науч. сотр.,
Санкт-Петербургский
институт истории
РАН
(Санкт-Петербург,
Россия)

стве средств достижения внешнеполитических целей, неоднократно получая поддержку со стороны политического руководства СССР.

Основными препятствиями на пути захвата рынка нефтепродуктов в государствах Балтии и Финляндии для Нефтяного синдиката СССР (Нефтесиндиката) в 1920-е гг. стали, помимо серьезной конкуренции со стороны *Standard Oil, Royal Dutch / Shell Group*, а также польских производителей, отсутствие собственной сети розничной реализации (инсталляций), неурегулированность некоторых юридических вопросов (в том числе неопределенность статуса советских торгпредств) и противоречия между позициями руководства Наркомата внешней торговли (далее — НКВТ) и руководства Нефтесиндиката. В результате к середине 1920-х гг. Нефтесиндикату удавалось реализовывать в государствах Балтии и в Финляндии только случайные и небольшие партии бензина и керосина. В Финляндии к тому же их нередко продавали конкурентам. В конце 1924 г. Нефтесиндикат в качестве единственного выхода из ситуации стал рассматривать создание сети инсталляций на собственные средства и средства НКВТ или с привлечением иностранного капитала². Однако и здесь ему пришлось столкнуться с препятствиями. Так, не удавалось получить разрешение финских властей на аренду территории в Котке под инсталляции, для чего требовалось получение промыслового свидетельства, но без урегулирования вопроса об юридическом статусе торгпредства это было невозможно. Не помогло и вмешательство полпредства в решение данного вопроса³.

В августе 1927 г. Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило проект постановления, внесенный его Комиссией по вопросу о нефтяной политике, которым, в частности, предписывалось принимать усилия к наращиванию нефтяного экспорта, расширению и укреплению связей с национальными сбытовыми фирмами для продвижения советской нефти, а также предусматривались валютные расходы на устройство собственных инсталляций и розничного сбытового аппарата⁴. Директива высшего политического органа стала претворяться в жизнь. Активизация усилий советской стороны в вопросе наращивания экспорта нефтепродуктов в Финляндию и прибалтийские государства вылилась едва ли не в синхронизированный процесс попыток создания смешанных акционерных обществ по реализации этого товара. Не везде таким усилиям сопутствовал успех.

В июне 1927 г. в качестве «платы» за парафирование текста гарантийного договора СССР заключил торговый договор, выгодный для Латвии, что способствовало закреплению на латвийском рынке нефтепродуктов созданного смешанного акционерного общества *Larunafta*, председателем которого стал бывший министр транспорта Янис Паулюкс, а членом правления, помимо представителя Нефтесиндиката Суходрева, еще один гражданин Латвии — Ф. Озолиньш. Создание общества стало результатом ряда решений Наркомата рабоче-крестьянской инспекции (далее — НК РКИ), поддержанных политическим руководством СССР. В августе 1925 г. на заседании коллегии наркомата с докладом о результатах обследования смешанных торговых обществ и договорных фирм выступил А. И. Стецкий. По докладу было принято постановление, один из пунктов которого гласил: «Привлечение иностранного капитала во

внешнюю торговлю должно в дальнейшем осуществляться путем создания специальных смешанных обществ по отдельным видам экспорта и импорта. В этом направлении должны быть преобразованы и действующие общества... К участию в обществах необходимо привлекать солидные капиталистические группы, могущие инвестировать значительные капиталы, обеспечить получение кредитов и установление тесной связи с иностранным рынком»⁵. Уже в 1927 г. АО *Larunafta* реализовало в Латвии почти столько же, сколько и представительство Нефтесиндиката (14 308 т, против 14 821 т⁶; скорее всего, Нефтесиндикат предоставил обществу существенную оптовую скидку).

Изменения затронули и Финляндию. Если в 1925 г. доля СССР в финляндском импорте нефтепродуктов составляла 2%, то к 1929 г. она выросла до 12% (конкуренты: *Standard Oil* — 50%, «Мазут» (*Royal Dutch / Shell Group*) — 30%). В основном это было достигнуто за счет налаженной финским гражданином К. П. Бутузовым реализации советских нефтепродуктов через *Nordiska Droghandels A. B.*⁷ Успехи были признаны в Москве недостаточными, но переломить ситуацию представителю Нефтесиндиката А. Я. Тауглиху не удавалось. В ноябре 1929 г. полпред Майский констатировал: «Наше участие в нефтеснабжении Финляндии до сих пор было довольно незначительно. За прошлый год, например, мы продали здесь 16 тыс. т нефтепродуктов при общем потреблении Финляндии 100–110 тыс. т... Почти всю массу наших нефтепродуктов мы продавали Нобелю⁸, который смешивал их с американскими нефтепродуктами и под своей фирмой уже доводил до потребителя»⁹.

Коллегия НК РКИ СССР, рассмотрев вопрос о реализации нефтепродуктов в Финляндии, пришла к выводу, что при всей рентабельности финского рынка для советского экспорта, «неправильные методы работы... обусловили ничтожность удельного веса советских продуктов», и потребовала выполнения правительственных директив¹⁰. Несогласованность в действиях представителя Нефтесиндиката, полпредства и торгпредства привела к тому, что в 1926 г. была упущена возможность приобретения в Хельсинки и Выборге складских помещений (за 120 тыс. руб. у ликвидировавшегося тогда АО «Польнафта»). В результате собственно техническая сторона налаживания работы по реализации нефтепродуктов фактически отсутствовала, что побуждало к поиску контрагентов. В том же 1926 г. полпред Лоренц предлагал в качестве выхода из сложной ситуации создание смешанного акционерного общества¹¹.

Решение этого вопроса оказалось более сложным, чем в Латвии. Двусторонние отношения были на том уровне, который не способствовал желанию видных финских общественных и политических деятелей становиться членами правления смешанного акционерного общества, а именно на таком подходе настаивали в НКИД. По предложению временного поверенного в делах Горация Залкина рассматривались кандидатуры Андерса Ахонена (в 1921 г. занимавшего пост посланника в СССР) и А. Хакцеля (занимавшего тот же пост в 1922–1927 гг.). Кандидатура Хакцеля вызвала в Москве негативную реакцию — по мнению члена коллегии НКИД Б. С. Стомонякова, тот был «большой акулой, не брезгующей никакими средствами для нажива денег»¹². Поиск кандидатур затянулся настолько, что только в 1929 г. наметились некоторые подвижки,

но и тогда сказались разногласия между полпредом С. С. Александровским и торгпредом Суреном Ерзинкяном. Первый полагал, что смешанное общество должно быть только с советским капиталом, поскольку это позволило бы проводить политику цен, всецело подчиненную торгово-политическим интересам СССР, а не только коммерческим в случае участия финского капитала; привлечение же малого финского капитала было бы излишним балластом, ограничивающим маневренные возможности Нефтесиндиката¹³.

Тем не менее представитель Нефтесиндиката Б. М. Шварц, встретившись в июле 1929 г. с бывшим премьером Вяйне Таннером, попросил последнего назвать возможных кандидатов в члены правления предполагаемого смешанного общества. Упомянутый Таннером советник торговли Хохенталь (Харима) не устроил советскую сторону. В конце октября членами правления создаваемого общества «Финнафт» согласились стать муниципальный советник К. В. Вуокоски и доктор Й. Хелло (бывший министр труда)¹⁴. Предполагалось, что позже будут утверждены еще два кандидата в члены правления из финских граждан, оплата труда членов правления и кандидатов не должна была превышать 10 тыс. руб. в год¹⁵. Намеченный правлением общества и Шварцем план работ стоимостью до 160 тыс. долларов включал постройку складов, депо при железнодорожных станциях, установку бензиновых насосов, приобретение транспортных средств и пр. Активность Шварца вызвала подозрения и у торгпреда Ерзинкяна, акцентировавшего внимание руководства в Москве на двух моментах: в правлении зарегистрированного Шварцем общества *Finnnafta* состояли двое финнов и только один советский представитель, за приобретение участка земли в Котке под инсталляции было заплачено 22 тыс. инвалютных рублей, хотя участок стоил дешевле¹⁶. Полпред Майский, исходя из того, что придется «оплачивать финских подставных лиц», считал, что «надо использовать данный случай для укрепления наших связей с важнейшими политическими партиями, т. е. аграриями и социал-демократами», для чего он и затрагивал вопрос о членстве в правлении общества с бывшими премьерами В. Таннером и Й. Сунилой, бывшим министром финансов А. Й. Рюёмя и председателем совета директоров Банка Финляндии Р. Рюти.

Судьба общества *Finnnafta* неизвестна — скорее всего, оно просуществовало не более нескольких месяцев, поскольку новый торгпред М. Л. Стоковский в начале 1931 г. вступил в переговоры с представителями финских деловых кругов о создании нового акционерного общества. Он предлагал, чтобы планируемое общество выпустило акций на сумму не менее 50 млн финских марок: «Договор между Торгпредством и А/О войдет в силу, когда 40 % акций будет оплачено. Торгпредство, если захочет, имеет неоспоримое право приобрести 51 % акций». Кроме того, общество должно было обязаться построить инсталляции по всей Финляндии и иметь монопольное право торговли нефтепродуктами из СССР¹⁷.

Не менее сложным оказался путь к созданию смешанного общества в Эстонии. В 1928 г. активно обсуждалась идея приглашения в правление создаваемого общества одного из «отцов» независимой Эстонии Константина Пятса и директора акционерного общества *Silva* Аугуста Куусика (последний,

будучи также представителем *Standard Oil* и *Shell* в Эстонии, выражал тем не менее готовность работать с советской стороной в вопросах экспорта нефтепродуктов). Препятствием к достижению договоренности с последним стал тот факт, что он был представителем *Royal Dutch Shell*. Торгпред Смирнов видел выход из положения в том, чтобы АО *Silva* приобрело бензин у Кульмана, с которым ранее советская сторона заключила договор о реализации советского бензина. Куусик же считал, что Кульман несомненно захочет заработать на этом и АО *Silva* не сможет получить бензин по продажной цене Нефтесиндиката. Он был уверен, что Кульман не сможет выполнить договор с Нефтесиндикатом¹⁸. Осенью 1929 г. советское торгпредство в Эстонии начало активные переговоры по вопросу о реализации нефтепродуктов с рядом эстонских фирм. К началу зимы выяснилось, что АО *Silva* претендовало на монопольное право реализации нефтепродуктов на эстонском рынке. Ранее имевшийся договор Нефтесиндиката с фирмой Й. Э. Кульмана «на чуть ли не монопольную продажу бензина» был препятствием к достижению договоренности с этой фирмой. К этому времени уже удалось достичь договоренности с Константином Пятсом о том, что он станет юрисконсультom создаваемого акционерного общества по реализации нефтепродуктов¹⁹.

Поскольку реализация советских нефтепродуктов для эстонских бизнесменов представлялась делом достаточно выгодным, неудивительно, что всплывали разные кандидатуры в члены правления. К. Пятс предлагал вместо Куусика и АО *Silva* Йоакима Пухка, так как тот «справился бы с нефтепродажей не хуже “Сильвы”, которая имеет представительство Шелла лишь на Ревель и потому тоже не связана с клиентурой в провинции. Политически же связь с Пухком много ценнее»²⁰.

В середине декабря 1929 г. в Таллин приехал представитель Нефтесиндиката в Прибалтике Кашицын, считавший, что договор с АО *Silva* или Пухком будет иметь гораздо большее значение, чем договор с Кульманом²¹. Вместе с тем он полагал, что договор с Кульманом можно было бы разорвать, если возникла бы необходимость, но такой необходимости не было. Кашицын возобновил переговоры с Эстонским кооперативным объединением (далее — ЭТК), покупавшем до 50 % поставляемого из СССР керосина. ЭТК было склонно увеличить закупки до 60–70 %. На остальную долю, считал Кашицын, мог бы претендовать Пухк. Договор же с Кульманом о поставках бензина мог оставаться в силе, так как не запрещал продажу бензина государственным учреждениям и ЭТК²². Пухк, судя по всему, вызывал у полпреда некоторые сомнения, поскольку, хотя его фирма имела в Эстонии «лучший товаропроводящий аппарат», практики реализации именно нефтепродуктов у нее не было.

Наркомат по иностранным делам проявлял к вопросу создания смешанного общества исключительный интерес, так как вовлечение в его деятельность видных политических деятелей рассматривалось в качестве инструмента решения сугубо внешнеполитических вопросов. В начале октября 1930 г. Б. С. Стомоняков писал временному поверенному в делах М. В. Буравцеву: «Главным вопросом, который интересует нас с политической стороны при рассмотрении проекта образования смешанного общества, является участие в этом деле

Пятса». При этом Стомоняков в принципе не был против создания фиктивного смешанного общества с 100 %-ным советским капиталом²³.

Однако к тому времени в СССР произошла реорганизация внешнеторговых объединений, породившая сложную систему взаимоотношений между разными советскими органами и затруднившая выработку согласованных действий. Нефтесиндикат СССР был ликвидирован, на его месте Постановлением Совета труда и обороны СССР от 26 февраля 1931 г. создавалось Всесоюзное объединение по экспорту нефти и нефтепродуктов «Союзнефтеэкспорт», которое не было выделено как самостоятельная, подчиненная НКВТ структура. «Союзнефть» была обязана передать в месячный срок «Союзнефтеэкспорту» все дело по экспорту нефти и нефтепродуктов со всем аппаратом, активом и пассивом по экспортным операциям, а также все принадлежащее Союзнефти за границей имущество, в том числе акции, паи и иные вложения в заграничных обществах. «Союзнефтеэкспорт» подчинялся Иностранному отделу Главного экономического управления ВСНХ СССР, и только в вопросах регулирования цен — НКВТ. В согласовании действий «Союзнефтеэкспорта» с НКВД последнему далеко не всегда удавалось добиваться желаемого результата. Реорганизация осуществлялась в период мирового экономического кризиса, ожесточившего конкурентную борьбу на рынке нефтепродуктов. В начале 1931 г. полпред в Эстонии Ф. Ф. Раскольников прямо писал о возможности торговой войны с *Royal Dutch Shell* и *Standard Oil*. «Союзнефть» «согласно заданию правительства» должна была в том году завоевать 65 % рынка²⁴. Раскольников с тревогой сообщал в Москву: «Цены на бензин падают. Мы постепенно теряем рынок. Валк целиком захвачен нашими конкурентами... Вместо того чтобы отправлять в Москву валюту, «Союзнефть» несет большие потери»²⁵.

Ситуация с экспортом нефтепродуктов в Эстонию и образованием смешанного акционерного общества по их реализации не могла не привлечь внимание высших контрольных органов. Председатель Союзнефтеэкспорта Константин Степанович Рябовол был вынужден в начале апреля 1931 г. направить в Планово-контрольный орган НК РКИ и Центральную контрольную комиссию (далее — ЦКК) ВКП(б) объяснительную записку. Он сообщал: «Вопрос об образовании смешанного общества для торговли нефтепродуктами с привлечением влиятельных политических и коммерческих лиц отпал, так как на совещании в Наркоминделе с участием представителей Наркомторга, Союзнефти и торгпреда т. Дедея²⁶ было признано нецелесообразным образование такого общества. Правильным методом торговли Союзнефть считает переход на торговлю через собственный распределительный аппарат (внутренние склады, бензиновые колонки). При этом методе работы мы избавляемся от нынешних контрагентов, весьма слабых в финансовом отношении и можем проводить свою торговую политику»²⁷. Рябовол сетовал на конкуренцию с *Shell* и *Standard Oil*, в результате чего не удалось ранее получить участки под склады в Тарту и Верро и под пять бензоколонок. Правда, планы на будущее были довольно обширные: в 1931 г. планировалась постройка четырех складов и устройство шести бензиновых автоматов.

Некоторые действия представителя «Союзнефтеэкспорта» в Эстонии, стремившегося добиться выполнения экспортных планов, порождали конфликты (в нарушение договоров с Й. Пужком осуществлялась продажа бензина на пароходы, причем по ценам ниже рыночных)²⁸. Беспокойство полпредства вызывал и тот факт, что в Эстонию прибыли представители *Shell* и *Standard Oil* «для борьбы за нефтяной рынок»²⁹. Эстонская сторона предлагала советской стороне нефтяную монополию («при условии, что на 75 % стоимости проданного бензина и керосина мы закупим сельскохозяйственные продукты»). Вместе с тем Раскольников отмечал в своем докладе, что эстонские деятели «носятся с идеей передать нефтяную монополию САСШ при условии 12-месячного кредита», и выражал опасение относительно возможности утраты эстонского рынка нефтепродуктов³⁰. Ознакомившийся с докладом Раскольникова Стомоняков сделал на полях помету: «Рынок уже не так важен, а валюта нужнее»³¹. За словами Стомонякова скрывался не только намек на мизерность эстонского рынка для СССР, но и понимание ограниченности советских экспортных возможностей. Для руководства НКВД важно было налаживать и поддерживать контакты с политическими и деловыми (имеющими именно политический вес) кругами. К тому времени выяснилось, насколько узким был круг этих деятелей и насколько скромной оказывалась их заинтересованность в реальном решении тех или иных проблем, к которым в Москве проявляли повышенное внимание.

Поддерживавший постоянные контакты с Наркоматом внешней торговли Стомоняков был хорошо осведомлен о ситуации в экспортных отраслях советской экономики. Ему было известно о созданном «бригадой НКВД» по обследованию результатов организации внешней торговли совещании, на котором представитель «Союзнефтеэкспорта» Шнейдер заявил: «В условиях дефицита нефтяных продуктов происходят постоянные столкновения с интересами внутреннего рынка, осложняемые тем, что планы, намечаемые для экспорта, срываются, ввиду причин производственного порядка»³². Под причинами производственного порядка понимались возникшие проблемы с падением динамики нефтедобычи. Кроме этого, и в НКВД, и в НКВД учитывали также различия в подходах прибалтийских государств к импорту советских нефтепродуктов. В том же 1931 г. Эстония получила право беспошлинно ввозить в Латвию 2300 т бензина (производимого из сланцевой нефти), тогда как Латвия взимала с советского бензина пошлину в 112,5 лат с тонны (и это с учетом 25 %-ной скидки), что при имевшихся ценах на бензин составляло 60–70 % его стоимости. Это вызывало крайнюю обеспокоенность торгпредства в Риге, так как данная ситуация с неизбежностью влекла сокращение советской доли рынка бензина в Латвии (годом ранее его доля составляла 48 %). Торгпред А. Позднышев возлагал свои надежды на «дурной и... вредный запах» эстонского сланцевого бензина, а потому ожидал, что ситуация не окажется очень драматичной³³.

В начале 1932 г. торгпредство в Эстонии (именно торгпредство, а не представитель «Союзнефтеэкспорта») договорилось об экспорте нефтепродуктов на 900 тыс. крон, обещав закупить свиные туши на 300 тыс. крон, однако вы-

ставленное НКВТ условие — получение гарантий сделки со стороны эстонского правительства — сорвало ее³⁴.

В начале 1930-х гг. в Эстонии, Латвии и Литве в силу внутривнутриполитических причин власти были вынуждены пойти на введение государственных монополий на ряд импортных товаров. Реакция со стороны НКВД была весьма симптоматичной: получаемая валюта не должна расходоваться на приобретение местных товаров, она полностью должна поступать в Москву. В переписке с полпредством в Таллине Стомоняков подчеркивал, что выгоднее платить за участие в эстонских монополиях, чем осуществлять закупки товаров в Эстонии³⁵. Оценивая ситуацию с введением монополий в Латвии он писал в полпредство в Риге: «Учреждение сахарной, нефтяной и др. монополий в Латвии... идет вразрез с нашими интересами... наши конкуренты имеют гораздо больше возможностей, чем мы, путем политических влияний и коррупции взять в свои руки эти монополии»³⁶. При этом Стомоняков категорически отвергал возможность приобретения нефтеперегонного завода Эрлиха в Латвии: «Наше выступление в роли фабрикантов в капиталистических государствах поставило бы нас перед тяжелыми противоречиями и дало бы благоприятный материал нашим врагам для обвинения нас по разным линиям»³⁷. Когда полпред в Финляндии И. М. Майский в беседе с председателем совета директоров Банка Финляндии Р. Рюти связал закупку финских молочных продуктов с обязательством фирмы *Valio* и других поставщиков закупать советские нефтепродукты на всю сумму заказов, он нарвался на выволочку со стороны Стомонякова: «Во-первых, молочные продукты в Финляндии мы будем покупать не всегда, и, во-вторых, подобной связью мы фактически толкаем эстонцев и других лимитрофов на то, чтобы требовать от нас закупки молочных и т. п. продуктов в обмен за продаваемые у них нами нефтепродукты»³⁸.

Усилия советской дипломатии, получившие одобрение высшего политического руководства СССР, направленные на предотвращение или, по крайней мере, торможение наметившегося к концу 1933 г. сближения Латвии и Эстонии с Германией позволяли демпировать сопротивление хозяйственных органов увеличению экспорта нефтепродуктов в государства Балтии и Финляндию. Так, в Эстонии в 1935 г. «Союзнефтеэкспорт» реализовал продукции на 976 тыс. руб., а в 1936 г. — на 1,4 млн руб. (прирост — 144 %). Однако «Нефтеэкспорт» труднее всех шел на выполнение директив по увеличению экспорта в Эстонию, не использовал выгодную конъюнктуру, а перевыполнение плана нельзя было отнести на счет его активности, «так как в основном сказались усилия торгпредства»³⁹.

Несколько иначе складывалась ситуация в Латвии, где после установления в мае 1934 г. авторитарного режима К. Ульманиса, ограничения на развитие торговли с СССР обуславливались новыми внешнеполитическими приоритетами. В частности, отказ в банковских гарантиях нефтеперегонному заводу Эрлиха повлек в 1935 г. почти полную остановку поставок советской сырой нефти⁴⁰. От высказанного временным поверенным в делах СССР в Латвии И. М. Морштыном пожелания («В области экономической... нам следовало бы добиться почти монополистического положения в деле импорта в Латвию

нефти»⁴¹) советской стороне пришлось отказаться. Попытки добиться «устранения придирок» к экспорту нефти в Латвию, несмотря на угрозы отложить закупки свиней⁴², успеха принести не могли. Спрос на продукцию как латвийского, так и эстонского свиноводства превышал предложение, особенно значительно вырос спрос со стороны Германии.

Сложности возникали и при попытках достичь договоренности с литовскими властями о реализации советских нефтепродуктов. Так, в феврале 1935 г. торгпред А. М. Самарин и полпред М. А. Карский в переговорах с директором экономического департамента МИД Литвы Стасюсом Кузминкасасом и директором торгового департамента министерства финансов Норкайтисом выяснили, что литовская сторона склонна выдать лицензию на реализацию только 3,5 тыс. т бензина вместо запрашиваемых 5 тыс. т⁴³. В марте Карский информировал Литвинова, что для литовцев немислимо предоставление монополии советской стороне (это означало бы «выкидывание» с рынка *Shell* и *Standard Oil*). Осуществленный НКВТ нажим привел к тому, что литовская сторона выдала лицензию на 90% нефтепродуктов (15 тыс. т керосина!). Однако это не стало победой советского внешнеторгового ведомства, так как предложение на рынке значительно превосходило спрос с учетом выданных лицензий англичанам и американцам. Неизбежные проблемы со сбытом, как и с обострением ценовой борьбы, можно было предвидеть заранее⁴⁴. В конце 1935 г. Карский признавал: «Мы заставили литовцев завести наши товары (в первую очередь нефтепродукты. — А. Р.) в размерах, превышающих годовую потребность литовского рынка»⁴⁵. Без ответа остается вопрос, намеренно ли литовская сторона пошла на выдачу лицензий без учета внутреннего спроса.

В 1936 г. советская сторона фактически отказывается от каких-либо планов по завоеванию рынка нефтепродуктов в восточных прибалтийских государствах. Первым сигналом на то, что отказ от этой цели неизбежен, прозвучал ранее и касался не этих государств. В марте 1933 г. член коллегии НКВТ Рабинович направил в ЦКК ВКП(б), НК РКИ СССР, руководителю Группы внешней торговли Марку Гришину⁴⁶, а также заместителю торгпреда в Германии Файнштейну⁴⁷ ответ по вопросу о целесообразности организации бункерной станции на Мурманском побережье для организации торговли керосином с Норвегией. Коммерчески это было признано нецелесообразным по двум причинам. Первая из них — отсутствие специальной упаковки для мелкооптовой торговли — определенно не являлась основной, так как приобретение такой упаковки вряд ли можно назвать неразрешимым вопросом. Важным было другое — «создалась напряженная обстановка в отношении экспортных контингентов»⁴⁸. Для решения политических вопросов с государствами на востоке Балтики проблема дефицита нефтепродуктов в значительной степени временно снималась незначительными объемами экспорта. Однако к середине 1930-х гг. связь вопросов экспорта с решением внешнеполитических задач в силу значительно изменившейся международной ситуации представлялась уже нерентабельной. К середине 1930-х гг. дефицит всех нефтепродуктов в СССР приобрел хронический характер. В. И. Межлаук писал главе СНК В. М. Молотову: «Основные транспортные магистрали и предприятия, как Мариупольский завод, Донсода, ЧХК,

военные заводы и т. п., поддерживаются за счет переадресовок, оценок путевого нефтетоплива, за счет использования в качестве нефтетоплива других, также крайне дефицитных нефтепродуктов: смеси гудронов с керосиновым дестиллатом, черной солянки, веретенных и других масел, смазочного мазута»⁴⁹.

В середине сентября 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) согласилось с предложением НКВТ «о продаже мировым нефтяным трестам розничного нефтяного аппарата Англии, Швеции и Финляндии»⁵⁰. Через две недели последовало новое решение Политбюро: наркомату разрешалось при получении согласия нефтяных трестов на покупку нефтяного имущества в Англии, Швеции и Финляндии заключить соглашение с трестами сроком на пять лет, сохранив за НКВТ размер экспорта по отдельным странам и нефтепродуктам в пределах вывоза 1935 г. Затраты на содержание собственных инсталляций в государствах Балтии при сокращении экспорта и экономии валюты диктовали советской стороне необходимость пересмотреть планы. Рассчитывать на расширение рынка в этих государствах не приходилось. В Латвии импорт нефтепродуктов в 1935–1936 гг. практически не рос. Более того, например, в Эстонии за счет собственного производства с 1934 г. доля импорта нефтепродуктов также сокращалась (достигнув пика в 1931 г. — 5,8%, она затем колебалась в рамках 3–3,3%)⁵¹, а собственно импорт нефтепродуктов из СССР оценивался уже в 1933 г. всего в 8 тыс. крон, в 1934 г. — в 43 тыс., в 1935 г. — в 22 тыс., а к 1938 г. упал до 5 тыс. крон)⁵². Наркомат по иностранным делам в это же время фактически устранился от использования вопросов экспорта нефтепродуктов в государства востока Балтики в качестве инструмента решения внешнеполитических проблем. Амбициозные планы захвата рынка нефтепродуктов в государствах Балтии и Финляндии ушли в прошлое.

¹ Приводится по: *Иголкин А. А.* Нефтяной фактор во внешнеэкономических связях России за последние 100 лет // *Экономический вестник Ростовского государственного университета.* 2008. Т. 1. С. 88.

² Письмо А. М. Игнатъева в Правление Нефтесиндиката, 14.11.1924 // Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 413. Оп. 5. Д. 1259. Л. 198–199.

³ В конце весны 1926 г. полпред Лоренц особо затрагивал эту тему в МИД Финляндии: Доклад И. Л. Лоренца Б. С. Стомонякову, 29.05.1926 // Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 0135. Оп. 9. П. 116. Д. 2. Л. 88–89.

⁴ Протокол заседания комиссии Политбюро по вопросу о нашей нефтяной политике от 11.08.1927 // Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 5. Л. 82.

⁵ Выписки из протокола № 31 заседания коллегии НК РКИ СССР от 05.08.1925 // Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 374. Оп. 28. Д. 670. Л. 6.

⁶ Приводится по: *Соколов А. К.* Советский «Нефтесиндикат» на внутреннем и международных рынках в 1920-е гг. // *Экономическая история. Обзорение / под ред. Л. И. Бородкина.* Вып. 10. М., 2005. С. 122.

⁷ Ройзенман, Ефимов. Краткий анализ операций по реализации нефтепродуктов в Финляндии, 12.07.1929 // ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 3200. Л. 43.

⁸ Речь идет о *Standard Oil.*

⁹ Доклад И. М. Майского Б. С. Стомонякову, 01.11.1929 // АВП РФ. Ф. 09. Оп. 4. П. 39. Д. 37. Л. 106.

- ¹⁰ Выписка из протокола № 35 заседания Коллегии НК РКИ СССР от 10.08.1929 // ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 3200. Л. 64.
- ¹¹ Доклад И. Л. Лоренца Б. С. Стомонякову, 18.06.1926 // АВП РФ. Ф. 028. Оп. 3. П. 6. Д. 3. Л. 263.
- ¹² Письмо Б. С. Стомонякова Г. А. Залкиндю, 24.04.1928 // Там же. Ф. 0135. Оп. 11. П. 122. Д. 2. Л. 17.
- ¹³ Записка С. С. Александровского Б. Л. Абезгаузу «О работе торгпредства СССР в Финляндии», 28.04.1929 // ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 3232. Л. 82–83.
- ¹⁴ См. об этом: *Raavolainen J. Väinö Tanner sillanrakentaja. Elämäkerta vuosilta 1924–1936.* Helsinki, 1984. S. 230–231.
- ¹⁵ Выписка из протокола № 24 секретного заседания Правления Нефтеиндустриального союза СССР от 12.08.1929 // ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 3200. Л. 52.
- ¹⁶ Докладная записка заведующего сектором контроля и проверки исполнения Центральной контрольной комиссии ВКП(б) Ройзенмана, 1930 г. // Там же. Л. 37–38.
- ¹⁷ Письмо М. Л. Стоковского в НКВТ, 20.07.1931 // РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 118. Л. 3 об.
- ¹⁸ Дневник полпреда в Эстонии. 01.12.1929 // АВП РФ. Ф. 0154. Оп. 21. П. 27. Д. 5. Л. 202.
- ¹⁹ Там же. Л. 207.
- ²⁰ Там же. Л. 197.
- ²¹ Там же. Л. 195.
- ²² Там же. Л. 192.
- ²³ Письмо Б. С. Стомонякова М. В. Буравцеву, 01.10.1930 // АВП РФ. Ф. 0154. Оп. 22. П. 30. Д. 2. Л. 55, 53.
- ²⁴ Доклад Ф. Ф. Раскольникову Б. С. Стомонякову, 21.02.1931 // Там же. Оп. 23. П. 33. Д. 1. Л. 17.
- ²⁵ Доклад Ф. Ф. Раскольникову Б. С. Стомонякову, 29.05.1931 // Там же. Л. 52.
- ²⁶ Андрей Андреевич Деда был торгпредом в Эстонии в 1930–1931 гг.
- ²⁷ Записка К. С. Рябовола в ЦКК ВКП(б) и НК РКИ, 07.04.1931 // ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 3253. Л. 1.
- ²⁸ Доклады Ф. Ф. Раскольникову Б. С. Стомонякову, 10.11.1931 и 20.10.1931 // АВП РФ. Ф. 0154. Оп. 23. П. 33. Д. 1. Л. 76, 69.
- ²⁹ Там же. Л. 75.
- ³⁰ Доклад Ф. Ф. Раскольникову Б. С. Стомонякову, 30.11.1931 // Там же. Л. 83–84.
- ³¹ Там же.
- ³² РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 17. Л. 1.
- ³³ Письмо А. Н. Позднышева в сектор торговой политики НКВТ, 12.06.1931 // РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 84. Л. 2.
- ³⁴ Доклад Ф. Ф. Раскольникову Б. С. Стомонякову, 23.02.1932 // АВП РФ. Ф. 010. Оп. 4. П. 226. Д. 145. Л. 5.
- ³⁵ Письмо Б. С. Стомонякова Ф. Ф. Раскольникову, 26.11.1931 // Там же. Ф. 09. Оп. 6. П. 54. Д. 56. Л. 57.
- ³⁶ Письмо Б. С. Стомонякова А. И. Свицерскому, 10.06.1931 // Там же. П. 49. Д. 16. 63.
- ³⁷ Письмо Б. С. Стомонякова А. И. Свицерскому, 20.06.1931 // Там же. Л. 67–68.
- ³⁸ Письмо Б. С. Стомонякова И. М. Майскому, 21.04.1932 // АВП РФ. Ф. 09. Оп. 7. П. 59. Д. 46. Л. 26–27.
- ³⁹ Конъюнктура народного хозяйства Эстонии в 1936 г. // РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 1354. Л. 15, 17.
- ⁴⁰ Доклад торгпреда А. Ф. Ульянова наркому НКВТ А. П. Розенгольцу, 04.06.1935 // АВП РФ. Ф. 0150. Оп. 32. П. 64. Д. 15. Л. 39.
- ⁴¹ Доклад И. М. Морштына Л. Э. Березову, 10.11.1934 // Там же. Оп. 30. П. 62. Д. 9. Л. 18.
- ⁴² Письмо Б. С. Стомонякова И. М. Морштыну, 07.06.1935 // Там же. Оп. 32. П. 63. Д. 2. Л. 30. — Стомоняков признавал, что советская сторона не имеет иных инструментов оказания давления на Ульманиса.
- ⁴³ Доклад М. А. Карского М. М. Литвинову, 26.02.1935 // Там же. Ф. 05. Оп. 15. П. 109. Д. 62. Л. 57.

⁴⁴ Доклад М. А. Карского М. М. Литвинову, 09.03.1935 // Там же. Л. 63.

⁴⁵ Доклад М. А. Карского Б. С. Стомонякову, 19.12.1935 // Там же. Ф. 0151. Оп. 26. П. 49. Д. 3. Л. 210.

⁴⁶ Марк Борисович Гришин (Блок) (1896–1939) — возглавлял группу внешней торговли НК РКИ, позже был главным арбитром Наркомзага СССР, начальником штатного управления Наркомфина СССР. При аресте в 1939 г. ему, в частности, было предъявлено обвинение в том, что в НК РКИ он проводил политику неправильного планирования экспорта.

⁴⁷ Абрам Самойлович Файнштейн (1891–?) — химик, заместитель торгпреда в Германии (1931–1937). В 1940 г. был осужден на 10 лет. В 1943 г. назначен руководителем лаборатории неметаллов Особого конструкторского бюро А. Н. Туполева.

⁴⁸ Письмо Ф. Я. Рабиновича в ЦКК ВКП(б), НК РКИ СССР от 09.03.1933; Письмо Ф. Я. Рабиновича А. С. Файнштейну (торгпредство в Берлине) от 09.03.1933 // ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 4092. Л. 234–235 об.

⁴⁹ Цит. по: *Иголкин А. А.* Нефтяная промышленность в годы второй пятилетки: планы и реальность // *Экономическая история. Обзорение* / под ред. Л. И. Бородкина. Вып. 10. М., 2005. С. 139.

⁵⁰ Протокол Политбюро ЦК ВКП(б) № 43. Опросом от 10.09.1936. 96. О нефти // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 73.

⁵¹ *Pihlamägi M.* Väikeriik maailmaturul: Eesti väliskaubandus 1918–1940. Tallinn, 2004. S. 214.

⁵² *Ibid.* S. 316.

Статья поступила в редакцию 27 января 2019 г.
Рекомендована в печать 12 сентября 2019 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Рупасов А. И. Нефтяная торговля СССР с государствами Балтии и Финляндией в 1920–1930-е гг. // *Новейшая история России.* 2019. Т. 9, № 4. С. 942–954.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.407>
УДК 94(47).084

Аннотация: В статье анализируется стратегия СССР в области экспорта нефтепродуктов в 1920–1930-е гг., целью которой первоначально являлось получение монопольного положения на рынке в государствах Балтии и Финляндии. В 1920-е гг. нефтепродукты были одним из немногих источников валютных доходов СССР, на который имелся довольно устойчивый спрос в Европе. Экспорт нефтепродуктов (керосин, бензин, мазут; сырая нефть составляла незначительную долю экспорта) стабильно обеспечивал поступление валюты в советскую экономику. В отличие от экспорта леса (от участия в решении связанных с ним вопросов советское внешнеполитическое ведомство было фактически отстранено), экспорт нефти рассматривался советской дипломатией как инструмент достижения внешнеполитических целей. Попытки завоевания рынка нефтепродуктов государств Балтии и Финляндии столкнулись с объективными препятствиями уже в начале 1930-х гг.: с одной стороны, политика индустриализации обусловила резкий рост потребностей внутреннего российского рынка в нефти, с другой — изменения во внешнеполитической ориентации государств Балтии и государственное регулирование импортных операций способствовали выталкиванию советского нефтяного экспорта. В итоге во второй половине 1930-х гг. СССР отказывается от прежних амбициозных замыслов. Для решения политических вопросов в отношениях с государствами на востоке Балтики проблема дефицита нефтепродуктов временно снималась незначительными объемами экспорта. Однако к середине 1930-х гг. связь вопросов экспорта с решением внешнеполитических задач в силу значительно изменившейся международной ситуации представлялась уже нерентабельной.

Ключевые слова: экспорт, нефть, нефтепродукты, СССР, государства Балтии, Финляндия, смешанные акционерные общества.

Сведения об авторе: Рупасов А. И. — д-р ист. наук, вед. науч. сотр., Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия); rupasov_ai@mail.ru

Санкт-Петербургский институт истории РАН, Россия, 197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7

FOR CITATION

Rupasov A. I. 'Oil Trade of the USSR with the Baltic States and Finland in the 1920s–1930s', *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 4, 2019, pp. 942–954.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.407>

Abstract: The article analyzes the Soviet strategy of exporting petroleum products in the 1920s and 1930s, the purpose of which was initially to obtain a monopoly position in the markets of the Baltic States and Finland. Exports of kerosene, gasoline, and fuel oil (crude oil accounted for an insignificant share of exports) was one of the main sources of currency for the Soviet economy. In contrast to timber exports, the Soviet foreign policy Department (People's Commissariat for Foreign Affairs) was actually excluded from participating in the solution of related issues. Oil exports were considered by the Soviet diplomacy as tool for achieving foreign policy goals. Attempts to "conquer" the market of oil products in the Baltics and Finland faced objective obstacles in the early 1930s: the policy of industrialization led to sharp growth in domestic needs for oil, while changes in the foreign policy orientation of the Baltic States and state regulation of import operations promoted pushing out Soviet oil exports. As a result, in the second half of the 1930s the USSR abandoned its previous ambitious plans.

Keywords: export, oil, oil products, USSR, Baltic States, Finland, mixed joint-stock companies.

Author: Rupasov A. I. — Dr. Sci. in History, Leading Researcher, St. Petersburg Institute of History of Russian academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); rupasov_ai@mail.ru

St. Petersburg Institute of History of Russian academy of Sciences, 7, Petrozavodskaya ul., St. Petersburg, Russia, 197110

References:

Igolkin A. A. 'Oil factor in foreign economic relations of Russia for the last 100 years', *Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 1, 2008. (In Russian)

Igolkin A. A. 'Oil industry in days of the second five-years period: plans and reality', *Ekonomicheskaja istoriia. Obozrenie*, iss. 10, ed. L. I. Borodkin (Moscow, 2005). (In Russian)

Paavolainen J. *Väinö Tanner sillanrakentaja. Elämäkerta vuosilta 1924–1936* (Helsinki, 1984).

Pihlamägi M. *Väikeriik maailmaturul: Eesti väliskaubandus 1918–1940* (Tallinn, 2004).

Sokolov A. K. 'Soviet "Neftesindikatsii" on internal and the international markets in the 1920s', *Ekonomicheskaja istoriia. Obozrenie*, iss. 10, ed. L. I. Borodkin (Moscow, 2005). (In Russian)

Received: January 27, 2019

Accepted: September 12, 2019